

Тушёная свинина с консервированными овощами мэйцай

Янь Чжэнь пребывал в еще большем замешательстве, чем Фан Юйтун.

Он всего лишь собирался помешивать ложкой горячий тофу, надеясь поскорее остудить его, но, услышав болтовню этой шумной девчонки, почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение.

«Что значит — приготовил специально для тебя?»

«Мало ли здесь людей с расстройством питания?»

«У меня тут и физиологическое расстройство, и психологическое сверху наслоилось — я же этим не хвастаюсь!»

Когда он пришел в себя, ложка в его руке уже превратилась в нечто невообразимое. Всё произошло мгновенно: казалось, он и глазом моргнуть не успел, как металл скрутило в причудливый узел. Янь Чжэнь и сам не понимал, как это сделал. Подавляя нахлынувший шок, он поспешно отложил искореженный предмет, чувствуя себя совершенно беспомощным.

Ань Сынянь опустил веки, скрывая вспыхнувший в глазах странный блеск. Тень от его густых ресниц упала на щеки, а периферийным зрением он отчетливо видел на столе стальную «косичку», от которой всё еще исходили едва уловимые волны духовной энергии.

Это было оно — пробуждение духовного корня металла.

Надо же, прямо за обеденным столом, в самой обыденной обстановке, он встретил первого человека, пробудившегося естественным путем после его возвращения.

За окном неистово затрепетали ветви — Сяо Ин явно что-то почуяла, но, не получив зова хозяина, не смела войти в дом.

В этот момент сверху стрелой скатился Чэньпи. Пёс выскочил в столовую и яростно залаял, глядя на обеденный стол. Доучжир, до этого мирно дремавший неподалеку, мгновенно среагировал: выгнул спину дугой и вздыбил шерсть. Кот и пес замерли друг напротив друга, обмениваясь утробным рычанием.

— Чэньпи! — негромко, но властно прикрикнул Хозяин Ань. Лай тут же оборвался.

— Наверное, почувствовал запах мяса и выпрашивает подачку, — непринужденно пояснил Сынянь гостям.

Он поднялся, сходил на кухню и, вернувшись, положил перед каждым по деревянной ложке.

— Это из тех дурацких вещиц для розыгрышей, что я покупал раньше, — усмехнулся он, поддразнивая их. — Выглядят как стальные, а на деле мягче пластилина — стоит пару раз помешать, и их скручивает во все стороны. Ну что, испугались?

Когда мужчина поднял взгляд, хозяин дома как раз наклонился к нему, протягивая деревянную замену и забирая деформированный прибор. В теплом свете ламп шея Сыняня казалась ослепительно белой, а под воротником черной футболки на мгновение мелькнула татуировка в виде ярко-зеленой лозы, настолько живой, будто она была настоящей.

Не успел Янь Чжэнь разглядеть рисунок, как Ань Сынянь уже отвернулся и направился на кухню готовить корм для своего серо-белого пса.

«Кстати, об этом псе... Не тот ли это бродяга, которого он привел несколько дней назад? Почему кажется, что за это время он увеличился в размерах чуть ли не вдвое?»

«Да и этот фокус с ложкой... Я не верю, что хозяин ничего не заметил. Обычный человек отреагировал бы как те мать с дочерью — у них глаза едва из орбит не вылетели, а в каждом взгляде читалось нестерпимое желание расспросить, которое они едва сдерживали из вежливости».

«Но он? В его янтарных глазах царил полнейшее спокойствие, будто не случилось ничего из ряда вон выходящего. Он даже придумал эту нелепую ложь про „мягкий пластилин“. Как будто я не чувствовал, прямой была ложка в моих руках или кривой... Подобные сказки могли сработать разве что с наивной девчонкой».

Слишком странно. Всё это было запредельно странно.

Чувство неправильности происходящего в душе Янь Чжэня достигло апогея. Однако сейчас было не самое подходящее время для вопросов.

Он искоса взглянул на новых жиличек, зачерпнул деревянной ложкой порцию тофу и принялся усердно дуть на неё. Когда блюдо окончательно остыло, он проглотил его одним махом.

Чжан Ли, не видевшая самого процесса трансформации металла, легко поверила объяснениям. Она не стала заикливаться на пустяках, полностью переключив внимание на кулинарные шедевры.

Стол ломился от яств, но настоящим потрясением стал тофу Вэньсы. Бесчисленные

серебристые нити плавали в белоснежной фарфоровой чаше; при первом взгляде это напоминало неистовый шторм, но стоило ложке коснуться поверхности, как всё превращалось в нежное кружево из облаков. В этом блюде сквозила утонченная красота классической эстетики — мягкая и плавная.

Стоило лишь принюхаться, как аромат наваристого куриного бульона и лесная свежесть зимних побегов бамбука, поднимающиеся вместе с паром, мгновенно пробудили все вкусовые рецепторы.

Мать первым делом наполнила полчашки для дочери, а затем с жадным предвкушением потянулась к тушёной свинине с консервированными овощами мэйцай. Она подцепила палочками ломтик мяса — тот мелко задрожал, отливая густым соусом. Стоило ему коснуться языка, как рот наполнился насыщенным вкусом томленной свинины, но легкая кислинка прессованной зелени мэйцай идеально уравновешивала жирность, делая блюдо удивительно легким.

Боже, как это может быть так вкусно?

Забыв об остальном, женщина съела еще два куска, а затем полила рис янтарным соусом, смешанным с кусочками зелени, и принялась за еду с небывалым аппетитом. Когда она наконец опомнилась и посмотрела на дочь, та уже допила свой суп и, хитро прищурившись, наблюдала за матерью.

— Ну что, правда объедение? — тихо спросила Фан Юйтун с торжествующим видом.

— У хозяина и впрямь золотые руки, надо будет как-нибудь выведать у него рецепт, — не поспешила на похвалу Чжан Ли, но тут же перевела тему: — Юйтун, ты ведь совсем не ешь то, что готовлю я. Если за тобой не приглядывать...

— Мам... — жалобно протянула девушка и поспешно положила в тарелку матери большую порцию нежного водяного шпината с чесноком. — Давай есть! Эта зелень просто потрясающая — такая сладкая и хрустящая!

Конечно, она была вкусной. Это был первый урожай листовых овощей из Изумрудного пространства, напитанный духовной энергией до предела. Капуста была настолько нежной, что буквально таяла во рту, превращаясь в глоток сладковатого сока. Даже Сынянь не удержался и с завидной скоростью прикончил почти половину блюда.

Уплетая ужин, он уже размышлял о том, что в пространстве поспел водяной шпинат — завтра можно будет приготовить его с ферментированным тофу и чили. А что касается мясного... В такую жару нужно что-то возбуждающее аппетит. Пожалуй, стоит сделать мясо «Вишня».

Ужин прошел замечательно, и только Янь Чжэнь оставался погруженным в свои мысли.

Дождавшись почти одиннадцати вечера, когда Доучжир, свернувшись клубком на краю кровати, крепко заснул, Янь Чжэнь бесшумно приоткрыл дверь и огляделся. В коридоре царил тишина, горел лишь тусклый ночной свет.

Поднявшись по лестнице, он впервые оказался на третьем этаже — в личных владениях Ань Сыняня.

Половина пространства здесь была открытой: в саду на крыше и в бассейне мерцала декоративная подсветка. Ночной ветерок гнал по воде легкую рябь, лепестки разноцветных цветов подрагивали, наполняя воздух ароматами. Среди них мужчина отчетливо различил знакомый запах лаванды.

Другую половину этажа занимала единственная дверь, сейчас плотно закрытая. За ней тянулось длинное панорамное окно; шторы были задернуты, но сквозь узкую щель пробивался свет — хозяин еще не ложился.

Он уже собирался постучать, когда за спиной раздался голос. Сначала он показался тихим шепотом, но в следующее мгновение громом отозвался прямо в сознании.

«Господин Янь, неужели среди ночи у вас появилось желание поболтать?» — голос Сыняня прозвучал отчетливо, но в то же время призрачно.

Янь Чжэнь резко обернулся, и его зрачки сузились от шока.

Пять лет назад

Сад и бассейн исчезли. Перед ним высилась знакомая белая стена, на которой красовался огромный полицейский герб. На столе внизу были аккуратно сложены красно-синие флаги, а за ними стояли три черно-белых фото в рамках.

Это были портреты трех коллег, погибших при исполнении.

Сам он стоял перед Цзун Пином, словно выслушивая наставления руководства.

Эта сцена врезалась в его память настолько глубоко, что он мгновенно узнал время и место. День его отправки под прикрытием в Наньюэ. Это был последний раз, когда Цзун Пин давал ему шанс всё обдумать... или, вернее сказать, последний шанс пойти на попятную.

В последующие годы он бесчисленное количество раз вспоминал этот момент. Думал об этом дне, когда его заставляли принимать «Чёрный прилив» и «Серую моль», когда его раскрыли и пытали, когда ему перерезали горло и бросили умирать в море. Если бы время можно было повернуть вспять, остался бы его ответ таким же твердым?

Всё было в точности как в тот день. Цзун Пин пододвинул к нему папку с документами, его лицо было суровым и холодным:

— Здесь всё по Не Юнчану и группе К. Ты должен вызубрить это так, чтобы не ошибиться даже в знаках препинания. С завтрашнего дня твой номер жетона исчезнет из системы. Спрашиваю в последний раз: ты уверен, что готов идти?

Под ярким светом ламп взгляд мужчины упал на рамки. Прямо по центру висело фото его старшего брата-ученика, Гао Ханьфэя; тот смотрел на него с легкой улыбкой, и его глаза сияли жизнью.

— Уверен!

Стоило ему произнести это слово, как декорации мгновенно сменились. Янь Чжэнь оказался на залитой ливнем улице, прижимая к себе окровавленного ребенка. Мальчик вдруг вцепился в его рукав и закричал:

— Дядя, сзади!..

Человек в маске навел пистолет в спину ребенка и нажал на спуск. Он даже не успел осознать, что происходит, как бросился вперед, закрывая мальчика своим телом. Боль от пули, вошедшей в плоть, была подобна прикосновению раскаленного железа. В следующее мгновение всё тело свело судорогой, и он отчетливо услышал хруст собственных костей...

Внезапно боль исчезла. Галлюцинации схлынули, словно отлив, и перед ним снова возник третий этаж гостевого дома.

Ань Сынянь в свободных белых одеждах шел к нему со стороны беседки. Подойдя к краю бассейна, он не остановился, а босыми ногами ступил прямо на водную гладь. Там, где касались воды его стопы, мгновенно расцвела темно-синяя кувшинка, устилающая для него цветочную тропу прежде, чем его нога успевала коснуться поверхности...

В мгновение ока он оказался рядом. Подол его белоснежного одеяния развевался на ветру, открывая точеные лодыжки; кожа его стоп, казалось, светилась чистотой. В длинных пальцах Сынянь вертел веточку пурпурной лаванды, а от его волос исходил тонкий аромат лекарственных трав.

Янь Чжэнь стоял с каменным лицом, но в кармане брюк его большой палец с силой впился в указательный.

Красавец, ступающий по воде... За мимолетным восхищением последовало ледяное сомнение.

«Раз он решил так открыто явить свою истинную природу, что будет дальше? Убьет свидетеля или у него есть способ стереть память?»

«И что важнее — было ли увиденное только что наваждением для глаз или видением в моей голове?»

«Кто он такой на самом деле? Демон? Призрак? Инопланетянин?!»

Кем бы он ни был, это выходило далеко за рамки разумного.

Многолетняя подготовка взяла верх, и он заговорил — на удивление спокойно, хотя голос звучал еще более хрипло и надтреснуто, чем обычно:

— ...Что это было сейчас? И та ложка... ты согнул её специально, чтобы посмеяться надо мной?

— Когда бы я успел? — улыбнулся Ань Сынянь. — Ты же видишь, как я занят весь день. Даже для создания пилюль приходится выкраивать время, пока гости отдыхают.

— ...Создания пилюль?

Янь Чжэнь почувствовал, что сюжет начинает обретать знакомые очертания. В памяти один за другим всплывали названия популярных романов о городском совершенствовании:

«Моя жена — бессмертная фея»

«Моя жена — владычица мира бессмертных»

«Спутник на пути Дао сегодня снова платит ипотеку»

«Жена вознеслась, а я побеждаю, присосавшись к её успеху»
